

Честное слово

Автор:

Леонид Пантелеев

Честное слово

Леонид Пантелеев

Дошкольное чтение

Л. Пантелеев (Алексей Иванович Еремеев) – советский писатель, известный нам прежде всего по повести «Республика ШКИД», написанной в соавторстве с Г. Белых. Однако Л. Пантелеев создал и множество других произведений, как для детей, так и для взрослых. Тонкий психолог, он придумал удивительно созвучные детям истории с незамысловатым сюжетом, написанные простым, понятным языком. В нашу книгу вошли стихи, сказки и рассказы писателя, на которых выросло не одно поколение читателей, – «Весёлый трамвай», «Две лягушки», «Буква “ты”», «Честное слово», цикл «Про Белочку и Тamarочку» и другие.

Для дошкольного возраста.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Л. Пантелеев

Честное слово

© Бордюг С. И. и Трепенюк Н. А., ил., 2021

© Булатов Э. В., ил., 2021

© Васильев О. В., ил., насл., 2021

© Каневский В. Я., ил., 2021

© Молоканов Ю. А., ил., насл., 2021

© Почтенная К. О., ил., 2021

© Сачков С. Н., ил., насл., 2021

© Федоровская М. Е., ил., 2021

© Шевченко А. А., ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Карусели

Один раз мы с Машей сидели у меня в комнате и занимались каждый своим делом. Она готовила уроки, а я писал рассказ. И вот написал я две или три странички, устал немножко, потянулся и несколько раз зевнул. И Маша мне сказала:

– Ой, папа! Ты же не так делаешь!..

Я, конечно, удивился:

– То есть что я не так делаю? Зеваю не так?

- Нет, зеваешь ты правильно, а вот потягиваешься не так.

- Как это не так?

- Да. Вот именно, не так.

И она мне показала. Это, наверно, вы все знаете. Это все школьники и дошколята знают. Во время занятий воспитательница объявляет маленькую передышку, ребята встают и хором читают такие стихи:

Ветер дует нам в лицо

Закачалось деревцо.

- Ветер, тише, тише, тише!

Деревцо растёт всё вы-ы-ыше!

И при этом все руками показывают, как ветер дует в лицо, как дерево качается и как оно потом растёт всё выше и выше, до самого неба.

Мне это, сказать по правде, понравилось. И с тех пор всякий раз, когда нам с Машей приходилось работать вместе, мы каждые полчаса проделывали с ней это упражнение – качались, вытягивались и дули себе в лицо. Но потом нам надоело играть в одно и то же. И мы придумали немножко похожую, но другую игру. Попробуйте, может быть, кое-кому из вас тоже понравится?

Станьте лицом к своему соседу. Хлопайте один другого крест-накрест ладонь в ладонь. И громко все вместе читайте:

Карусели, карусели!

Мы с тобою в лодку сели

И по-е-ха-ли!

А когда поехали, показывайте, как это было, – работайте вёслами.

А дальше вот так:

Карусели, карусели!

Мы с тобой на лошадь сели

И по-е-ха-ли!

Теперь скачите верхом. Гоп! Гоп! Подстёгивайте лошадку, только не сильно, не больно.

Если не устали – поехали дальше:

Карусели, карусели!

Мы с тобой в машину сели

И по-е-ха-ли!

Крутите баранку. Здо`рово несётся наша «Волга». Можно даже, пожалуй, бибикнуть:

Би-би-и-и-и!

Би-и-и-и!

А карусель наша всё крутится и вертится, всё шибче и шибче. Куда же ещё? Ага! Придумали!

Карусели,

Карусели!

В самолёт

С тобой мы сели

И по-е-ха-ли!

Руки в стороны! Самолёт готов. Полетели!.. Ура-а!..

Самолёт хорошо, а ракета лучше.

А ну:

Карусели, карусели!

Мы с тобой в ракету сели

И по-е-ха-ли!!!

Руки над головой. Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! Зззиг! Полетели! Только не пробейте потолок, а то и в самом деле в космос улетите.

А если останетесь на земле, тогда можете и на санках покататься, и на самокате, и ещё на чём-нибудь... Это уж вы сами придумайте!

Весёлый трамвай

Тащи сюда стулья,

Неси табуретку,

Найди колокольчик,

Тесёмку давай!..

Сегодня нас трое,

Давайте устроим

Совсем настоящий,

Звенящий,

Гремящий,

Совсем настоящий

Московский

Трамвай.

Я буду – кондуктор,
Он будет – вожатый,
А ты – безбилетный пока
Пассажир.

Поставь свою ножку
На эту подножку,
Взойди на площадку
И так мне скажи:

– Товарищ кондуктор,
Я еду по делу,
По срочному делу
В Верховный Совет.
Возьмите монету
И дайте за это
Мне самый хороший
Трамвайный
Билет.

Я дам вам бумажку,
И вы мне – бумажку,
Я дёрну тесёмку,
Скажу:
– Поезжай!..

Вожатый педали

Нажмёт у рояля,
И медленно
Тронется
Наш настоящий,
Как солнце блестящий,
Как буря гремящий,
Совсем настоящий
Московский
Трамвай.

Как поросёнок говорить научился

Один раз я видел, как одна совсем маленькая девочка учила поросёнка говорить. Поросёнок ей попался очень умный и послушный, но почему-то говорить по-человечески он ни за что не хотел. И девочка как ни старалась – ничего у неё не выходило.

Она ему, я помню, говорит:

– Поросёночек, скажи: «мама»!

А он ей в ответ:

– Хрю-хрю.

Она ему:

– Поросёночек, скажи: «папа»!

А он ей:

– Хрю-хрю!

Она:

– Скажи: «дерево»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «цветочек»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «здравствуйте»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «до свидания!»

А он:

– Хрю-хрю.

Я смотрел-смотрел, слушал-слушал, мне стало жалко и поросёнка и девочку. Я говорю:

– Знаешь что, голубушка, ты бы ему всё-таки что-нибудь попроще велела сказать. А то ведь он ещё маленький, ему трудно такие слова произносить.

Она говорит:

– А что же попроще? Какое слово?

– Ну, попроси его, например, сказать: «хрю-хрю».

Девочка немножко подумала и говорит:

– Поросёночек, скажи, пожалуйста: «хрю-хрю»!

Поросёнок на неё посмотрел и говорит:

– Хрю-хрю!

Девочка удивилась, обрадовалась, в ладоши захлопала.

– Ну вот, – говорит, – наконец-то! Научился!

Две лягушки

Сказка

Жили-были две лягушки. Были они подруги и жили в одной канаве. Но только одна из них была настоящая лесная лягушка – храбрая, сильная, весёлая, а

другая была ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня. Про неё даже говорили, будто она не в лесу, а где-то в городском парке родилась.

Но всё-таки они жили вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью пошли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят – стоит дом. А около дома погреб. И из этого погреба очень вкусно пахнет: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забралась она поскорей в погреб, стали там бегать и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться.

Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побултыхалась и думает:

«Всё равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду напрасно барахтаться. Только нервы даром трепать. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться – и утонула.

А вторая лягушка – та была не такая. Та думает:

«Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и

выйдет».

Но только – нет, ничего не выходит. Как ни плавай – далеко не уплывёшь. Горшок узенький, стенки скользкие, – не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, – думает, – пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь ещё живая – значит, надо жить. А там – что будет».

И вот – из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и сознание стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает:

«Нет. Не сдамся. Шалишь, лягушачья смерть...»

И вдруг – что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твёрдое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке масла.

«Что такое? – думает лягушка. – Откуда здесь взялось масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот, – думает лягушка, – значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой – в лес.

А вторая лягушка осталась лежать в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти...

Задача с яблоками

Нам из Гомеля тётя

Ящик яблок прислала.

В этом ящике яблок

Было, в общем, немало.

Начал яблоки эти

Спозаранок считать я,

Помогали мне сёстры,

Помогали мне братья...

И пока мы считали,

Мы ужасно устали,

Мы устали, присели

И по яблочку съели.

И осталось их – сколько?

А осталось их столько,

Что пока мы считали —

Восемь раз отдыхали,

Восемь раз мы сидели

И по яблочку ели.

И осталось их – сколько?

Ох, осталось их столько,

Что, когда в этот ящик

Мы опять поглядели,

Там на дне его чистом

Только стружки белели...

Только стружки-пеструшки,

Только стружки белели.

Вот прошу угадать я

Всех ребят и девчонок:

Сколько было нас, братьев,

Сколько было сестрёнок?

Поделили мы яблоки

Все без остатка.

А всего-то их было —

Пятьдесят без десятка.

Ау

Старшая сестра учила младшую читать. Оленька выучила все буквы, а читать не может, не получается. Никак не складываются буквы вместе.

В книге написано: «АУ».

- Что тут написано, Оленька?

- Не знаю.

- Это какая буква?

- А.

- Молодец! А эта?

- У.

- А вместе?

- Не знаю.

- Ну, как же не знаешь?! Это А, а это У. А если их сложить, что получится?

- Не знаю.

- А ты подумай.

- Я думаю.

- Ну и что?

- Не знаю.

- Ну вот что, - сказала старшая сестра. - Представь, что ты заблудилась в лесу. Как ты тогда станешь кричать?

Оленька подумала и говорит:

- Если я в лесу заблужусь, я буду кричать: «Мама!»

Загадка

Меня искали

Днём с огнём

И не нашли

В траве густой...

Вот я какой!

А ночью без огня

Нашли меня

В траве густой...

Кто я такой?

(Светлячок)

Раскидай

Жил-был раскидай Куда-хочешь-туда-кидай: хочешь – направо, хочешь – налево, хочешь – вниз, хочешь – вверх, а хочешь – так куда хочешь.

На столик его положишь – он на столе будет лежать. На стулик посадишь – он на стуле будет сидеть. А если на пол бросишь – он и на полу устроится. Вот он какой раскидай – покладистый...

Одно только не любил раскидай – не любил, когда его в воду кидали.

Он воды боялся.

А всё-таки, бедняга, попался.

Купили его одной девочке. Девочку звали Мила. Она с мамой гулять ходила. А в это время продавал продавец раскидай.

– А вот, – говорит, – кому? Продаётся раскидай Куда-хочешь-туда-кидай: хочешь – направо, хочешь – налево, хочешь – вверх, хочешь – вниз, а хочешь – так куда хочешь!

Девочка услышала и говорит:

– Ой, ай, какой раскидайчик! Прыгает, как зайчик!

А продавец говорит:

– Нет, гражданочка, берите повыше. Он прыгает у меня через крыши. А зайчик этого не умеет.

Вот девочка попросила, мама ей раскидайчика и купила.

Девочка его домой принесла, пошла во двор играть.

Бросит направо – раскидай прыгнет направо, бросит налево – раскидай прыгнет налево, кинет вниз – он вниз летит, а кверху подкинет – так он чуть не до самого синего неба скачет.

Вот он какой раскидай – лётчик-молодчик.

Девочка бегала-бегала, играла-играла, – ей наконец раскидай надоел, она взяла его, глупая, да и бросила.

Раскидай покатился и прямо в грязную лужу свалился.

А девочка и не видит. Она домой пошла.

Вечером прибегает:

– Ай, ай, где же раскидайчик Куда-хочешь-туда-кидайчик?

Видит – нет раскидайчика Куда-хочешь-туда-кидайчика. Плавают в луже бумажки цветные, да верёвочки завитые, да мокрые опилки, которыми раскидаево брюхо было набито.

Вот и всё, что от раскидая осталось.

Заплакала девочка и говорит:

– Ой, раскидай-раскидаюшко Куда-хочешь-туда-кидаюшко! Что я наделала?! Прыгал ты у меня и направо, и налево, и вверх, и вниз... А теперь – куда тебя кинешь такого? В помойку только...

Свинка

Жила-была свинка.

Свинка как свинка: на спинке щетинка, хвост крючком, нос пяточком, – всё как полагается.

Только на спинке у свинки была дырочка.

А в эту дырочку дети кидали денежки.

У кого копейка – тот копейку.

У кого две копейки – тот две копейки.

У кого три копейки – тот три копейки.

У кого четыре копейки – тот четыре копейки.

У кого пять копеек – тот пять копеек.

У кого шесть копеек – тот шесть копеек.

У кого семь копеек – тот семь копеек.

У кого восемь копеек – тот восемь копеек.

У кого девять копеек – тот девять копеек.

А у кого целый гривенник – так тот целый гривенник и кидает.

А свинка не зевает, знай себе спинку подставляет и денежку за денежкой глотает:

– Копейка? Давай копейку.

– Две копейки? Давай две копейки.

– Три копейки? Давай три копейки.

– Четыре копейки? Давай четыре копейки.

- Пять копеек? Давай пять копеек.

- Шесть копеек? Давай шесть копеек.

- Семь копеек? Давай семь копеек.

- Восемь копеек? Давай восемь копеек.

- Девять копеек? Давай девять копеек.

А если гривенник – так давай и гривенник. Она и от гривенника не откажется.

Вот она жила-жила, эта свинка, толстела-толстела, наконец ей надоело, она говорит:

- Открывайте меня! Я – полная!

Дети копилку открыли, посмотрели, а там – целая куча денег. И серебро. И медяки. И копейки. И пятаки. Двадцать гривенников. Тридцать двугривенных. Сорок пятиалтынных. Один старый серебряный рубль. И одна оловянная пуговица.

Стали дети думать, что бы им на эти деньги купить. Думали, думали – ничего придумать не могут.

Один говорит:

- Пушку!

Другой говорит:

- Петрушку!

Третий говорит:

- Лошадку!

Четвёртый говорит:

- Шоколадку!

Пятый говорит:

- Удочку!

Шестой говорит:

- Дудочку!

Седьмой говорит:

- Пожарную каску.

Восьмой говорит:

- Противогазовую маску!

Девятый говорит:

- Салазки!

Десятый говорит:

- Лучше кисточку и краски!..

А свинка стояла-стояла, молчала-молчала, а потом вдруг и говорит:

- Послушайте меня, умную хрюшку. Не покупайте вы ни пушку и ни Петрушку. А возьмите вы лучше корзинку, погуляйте по колхозному рынку – и купите ещё одну свинку. А то мне, вы знаете, одной стоять скучно-скучно.

Дети подумали, да так и сделали.

Пошли они на колхозный рынок, поискали хороших свинок и купили – самую расхорошую.

А чтобы свинкам было совсем весело, купили ещё двенадцать маленьких поросят.

Вот они теперь все и стоят – в один ряд.

Хвостики у них у всех крючком, носики пяточком.

Стоят себе и похрюкивают.

Фенька

Дело было вечером. Я лежал на диване, курил и читал газету. В комнате никого, кроме меня, не было. И вдруг я слышу – кто-то царапается. Кто-то чуть слышно, тихонечко стучит по оконному стеклу: тик-тик, тук-тук.

«Что, – думаю, – такое? Муха? Нет, не муха. Таракан? Нет, не таракан. Может быть, дождь капает? Да нет, какой там дождь, – дождём и не пахнет...»

Повернул я голову, посмотрел – ничего не видно. На локте привстал – тоже не видно. Прислушался – как будто тихо.

Лёг я. И вдруг опять: тик-тик, тук-тук.

«Фу, – думаю. – Что такое?»

Надоело мне, встал я, бросил газету, подошёл к окну и – глаза вытаращил. Думаю: батюшки, что это мне – во сне снится, что ли? Вижу – за окном, на узеньком железном карнизе, стоит – кто вы думаете? Стоит девочка. Да такая девочка, о каких вы и в сказках не читывали.

Ростом она будет поменьше самого маленького мальчика-с-пальчика. Ножки у неё босые, платье всё изодрано; сама она толстенькая, пузатая, нос пуговкой, губы какие-то оттопыренные, а волосы на голове рыжие и торчат в разные стороны, как на сапожной щётке.

Я даже не сразу поверил, что это девочка. Я подумал сначала, что это какой-то зверёк. Потому что я никогда раньше таких маленьких девочек не видел.

А девочка стоит, смотрит на меня и изо всех сил своим кулачишкой по стеклу барабанит: тик-тик, тук-тук.

Я у неё через стекло спрашиваю:

– Девочка! Тебе что надо?

А она не слышит меня, не отвечает и только пальцем показывает: дескать, открой, пожалуйста, а ну открой поскорей!

Тогда я отодвинул задвижку, открыл окно и впустил её в комнату.

Я говорю:

– Чего же ты, глупышка, в окно лезешь? Ведь у меня ж дверь открыта.

А она мне, я помню, тоненьким-тоненьким голоском отвечает:

– Я в дверь не умею ходить.

– Как не умеешь?! В окно умеешь, а в дверь не умеешь?

– Да, – говорит, – не умею.

«Вот так, – думаю, – чудо-юдо ко мне привалило!»

Удивился я, взял её на руки, вижу – она вся дрожит. Вижу – боится чего-то. Оглядывается, на окно посматривает. Лицо у неё всё заплаканное, зубки стучат,

а в глазах ещё слёзы поблёскивают.

Я у неё спрашиваю:

- Ты кто такая?

- Я, - говорит, - Фенька.

- Какая такая Фенька?

- Такая вот... Фенька.

- А где ты живёшь?

- Не знаю.

- А где твои папа с мамой?

- Не знаю.

- Ну, - я говорю, - а откуда ты пришла? Почему ты дрожишь? Холодно?

- Нет, - говорит, - не холодно. Жарко. А я дрожу потому, что за мной сейчас собаки по улице гнались.

- Какие собаки?

А она мне опять:

- Не знаю.

Тут уж я не вытерпел, рассердился и говорю:

- Не знаю, не знаю!.. А чего же ты тогда знаешь?

Она говорит:

– Я есть хочу.

– Ах вот как! Это ты знаешь?

Ну, что ж с ней поделаешь. Посадил я её на диван, «посиди», говорю, а сам пошёл на кухню, поискать, нет ли чего-нибудь съедобного. Думаю: только вот вопрос, чем её кормить, этакое чудовище? Налил ей на блюдечко кипячёного молока, хлеба нарезал маленькими кусочками, котлету холодную раскрыл.

Прихожу в комнату, смотрю – где же Фенька? Вижу – на диване никого нет. Удивился я, стал кричать:

– Феня! Феня!

Никто не отвечает.

Я опять:

– Феня! А Феня?

И вдруг слышу откуда-то:

– Я тут!

Нагнулся – она под диваном сидит.

Рассердился я.

– Это, – говорю, – что за фокусы такие?! Ты почему это на диване не сидишь?

– А я, – говорит, – не умею.

– Что-о? Под диваном умеешь, а на диване не умеешь? Ах ты такая-сякая! Ты, может быть, и за столом за обеденным не умеешь сидеть?

- Нет, - говорит, - это умею.

- Ну, так садись, - говорю.

Посадил её за стол. Стул ей поставил. На стул книг целую гору навалил - чтобы повыше было. Вместо передника носовой платок повязал.

- Ешь, - говорю.

Только вижу - не ест. Вижу - сидит, ковыряется, носом сопит.

- Что? - говорю. - В чём дело?

Молчит, не отвечает.

Я говорю:

- Ты же есть просила. Вот - ешь, пожалуйста.

А она покраснела вся и вдруг говорит:

- Нет ли у вас чего-нибудь повкуснее?

- Как повкуснее? Ах ты, - я говорю, - неблагодарная! Тебе, что ж, конфет надо, что ли?

- Ах нет, - говорит, - что вы, что вы... Это тоже невкусно.

- Так чего же тебе? Мороженого?

- Нет, и мороженое невкусное.

- И мороженое невкусное? Вот тебе и на! Так чего же тебе, скажи пожалуйста, хочется?

Она помолчала, носиком посопела и говорит:

- Нет ли у вас немножко гвоздиков?

- Каких гвоздиков?

- Ну, - говорит, - обыкновенных гвоздиков. Железненных.

У меня даже руки от страха затряслись.

Я говорю:

- Так ты что же это, значит, гвозди ешь?

- Да, - говорит, - я гвоздики очень люблю.

- Ну, а ещё что ты любишь?

- А ещё, - говорит, - я люблю керосин, мыло, бумагу, песок... только не сахарный. Вату люблю, зубной порошок, гуталин, спички...

Я думаю:

«Батюшки! Неужели это она правду говорит? Неужели она действительно гвоздями питается?»

«Ладно, - думаю. - Давай проверим».

Вытащил из стены большой ржавый гвоздь, почистил его немножко.

- На, - говорю, - ешь, пожалуйста!

Я думал, она не будет есть. Думал, она просто фокусничает, притворяется. Но не успел я оглянуться, она - раз-раз, хруп-хруп весь гвоздь сжевала. Облизнулась и говорит:

- Ещё!..

Я говорю:

- Нет, голубушка, извиняюсь, у меня больше гвоздей для тебя нет. Вот, если хочешь, - бумаги, пожалуйста, могу дать.

- Давай, - говорит.

Дал ей бумагу - она и бумагу съела. Спичек дал целый коробок - она и спички в два счёта скушала. Керосину на блюдечко налил - она и керосин вылакала.

Я только смотрю и головой качаю. «Вот так девочка, - думаю. - Такая девочка, пожалуй, и тебя самого съест в два счёта. Нет, - думаю, - надо гнать её в шею, обязательно гнать. Куда мне такое страшилище, людоедку такую!!»

А она керосин выпила, блюдечко вылизала, сидит, зевает, носом клюёт: спать, значит, хочется.

И тут мне её, вы знаете, что-то жалко стало. Сидит она, как воробушек - съёжилась, нахохлилась, - куда ж её, думаю, такую маленькую на ночь глядя гнать. Её ведь, такую пичужку, и в самом деле собаки могут загрызть. Я думаю: «Ладно, так уж и быть, - завтра выгоню. Пускай выпится у меня, отдохнёт, а завтра утречком - до свиданьяца, иди откуда пришла!..»

Подумал я так и стал ей готовить постель. Положил на стул подушку, на подушку - ещё подушечку, маленькую, из-под булавок у меня такая была. Потом уложил Феньку, укрыл её вместо одеяла салфеткой.

- Спи, - говорю. - Спокойной ночи!

Она сразу и захрапела.

А я посидел немножко, почитал и тоже спать лёг.

Утром, как только проснулся, пошёл посмотреть, как там моя Фенька поживает. Прихожу, смотрю - на стуле ничего нет. Ни Феньки нет, ни подушки нет, ни

салфетки... Вижу – лежит моя Фенечка под стулом, подушка у неё под ногами, голова на полу, а салфетки – так той и вовсе не видно.

Я разбудил её, говорю:

– Где салфетка?

Она говорит:

– Какая салфетка?

Я говорю:

– Такая салфетка. Которую я тебе давеча вместо одеяла устроил.

Она говорит:

– Не знаю.

– Как это не знаешь?

– Честное слово, не знаю.

Стали искать. Я ищу, а Фенька мне помогает. Ищем, ищем – нету салфетки.

Вдруг Фенька мне говорит:

– Слушайте, не ищите, ладно. Я вспомнила.

– Что, – я говорю, – ты вспомнила?

– Я вспомнила, где салфетка.

– Ну, где?

– Я её нечаянно скушала.

Ох, рассердился я, закричал, ногами затопал.

– Обжора ты этакая, – говорю, – утроба ты ненасытная! Ведь этак же ты мне весь дом сожрёшь.

Она говорит:

– Я не нарочно.

– Как это не нарочно? Нечаянно салфетку съела? Да?

Она говорит:

– Я ночью проснулась, мне есть захотелось, а вы мне ничего не оставили. Вот сами и виноваты.

Ну, я с ней, конечно, спорить не стал, плюнул и ушёл на кухню завтрак готовить. Себе сделал яичницу, кофе сварил, бутербродов намазал. А Феньке – нарезал газетной бумаги, накрошил туалетного мыла и сверху всё это керосинчиком полил. Приношу этот винегрет в комнату, смотрю – моя Фенька полотенцем лицо вытирает. Я испугался, мне показалось, что она ест полотенце. Потом вижу – нет, лицо вытирает.

Я у неё спрашиваю:

– Ты где воду брала?

Она говорит:

– Какую воду?

Я говорю:

– Такую воду. Одним словом, – где ты мылась?

Она говорит:

- Я ещё не мылась.

- Как не мылась? Так чего ж ты тогда вытираешься?

- А я, - говорит, - всегда так. Я сначала вытрись, а потом вымоюсь.

Я только рукой махнул.

- Ну, - говорю, - ладно, садись, ешь скорей и - до свиданья!..

Она говорит:

- Как это «до свиданья»?

- Да так, - говорю. - Очень просто. До свиданья. Надоела ты мне, голубушка. Уходи поскорее, откуда пришла.

И вдруг вижу - моя Феня как задрожит, как затрясётся. Кинулась ко мне, за ногу меня схватила, обнимает, целует, а у самой из глазёнок слёзы так и текут.

- Не гоните меня, - говорит, - пожалуйста! Я хорошая буду. Пожалуйста! Прошу вас! Если вы меня кормить будете, я никогда ничего - ни одного гвоздика, ни одной пуговки без спросу не съем.

Ну, одним словом, мне её опять жалко стало.

Детей у меня тогда не было. Жил я один. Вот я и подумал: «Что ж, не объест ведь меня эта пигалица. Пускай, - думаю, - погостит у меня немножко. А там видно будет».

- Ладно, - говорю, - так уж и быть. В последний раз тебя прощаю. Но только смотри у меня...

Она сразу повеселела, запрыгала, замурлыкала.

Потом я ушёл на работу. А перед тем как уйти на работу, я сходил на рынок и купил полкило маленьких сапожных гвоздей. Штук десять я оставил Феньке, а остальные положил в ящик и ящик закрыл на ключ.

На работе я всё время о Феньке думал. Беспокоился. Как она там? Что делает? Не натворила ли чего-нибудь?

Прихожу домой – Фенька сидит на окне, мух ловит. Увидела меня, обрадовалась, в ладошки захлопала.

– Ой, – говорит, – наконец-то! Как я рада!

– А что? – говорю. – Скучно было?

– Ой, как скучно! Прямо не могу, до чего скучно!

Взял её на руки. Говорю:

– Есть, наверно, хочешь?

– Нет, – говорит. – Ни капельки. У меня ещё три гвоздя от завтрака осталось.

«Ну, – думаю, – если три гвоздя осталось, значит, всё в порядке, значит, она ничего лишнего не съела».

Я похвалил её за хорошее поведение, немножко с ней поиграл, потом занялся своими делами.

Мне нужно было написать несколько писем. Я сажусь за письменный стол, открываю чернильницу, гляжу – чернильница у меня пустая. Что такое? Ведь я только третьего дня чернила туда наливал.

– А ну, – говорю, – Фенька! Иди сюда!

Она прибегает.

- Да? - говорит.

Я говорю:

- Ты не знаешь, куда у меня чернила девались?

- А что?

- Да ничего. Знаешь или не знаешь?

Она говорит:

- Если вы ругаться не будете, тогда скажу.

- Ну?

- Не будете ругаться?

- Ну, не буду.

- Я их выпила.

- Как выпила?! Ты же мне, - я говорю, - обещала...

Она говорит:

- Я обещала вам не есть ничего. А не пить я не обещала. И вы, - говорит, - опять сами виноваты. Зачем вы мне таких солёных гвоздей купили? От них пить хочется.

Ну вот - поговорите вы с ней! Опять я виноват.

Я думаю: что же мне делать? Ругаться? Да нет, руганью тут делу не поможешь. Думаю: надо ей какую-нибудь работу, какое-нибудь занятие найти. Это она от безделья глупостями занимается. А когда я её работать заставлю, ей некогда будет дурака-то валять.

И вот на другой день утром я ей даю метёлку и говорю:

– Вот, Феня, я уйду на работу, а ты пока делом займись: прибери комнату, пол подмети, пыль вытри. Сумеешь?

Она даже засмеялась.

– Эва, – говорит, – невидаль. Что ж тут не сумеешь? Конечно, сумею.

Вечером я прихожу, смотрю: в комнате – пыль, грязь, на полу бумажки валяются.

– Эй, Фенька! – кричу.

Она из-под кровати вылезает.

– Да! – говорит. – В чём дело?

– Ты почему это пол не подмела?

– Как это почему?

– Вот именно: почему?

– А чем, – говорит, – его подметать?

– Метёлкой.

Она говорит:

– Нету метёлки.

- Как это нету?

- Очень просто: нету.

- Куда же она девалась?

Молчит. Носом сопит. Значит, дело неладно.

Я говорю:

- Съела?

- Да, - говорит. - Съела.

Я так на стул и упал. Я даже рассердиться позабыл.

Я говорю:

- Чудовище! Да как же это ты умудрилась метёлку слопать?

Она говорит:

- Я, честное слово, даже сама не знаю. Как-то незаметно, по одному прутику...

- Ну, что же, - я говорю, - мне теперь делать? Железную метёлку для тебя, что ли, заказывать?

- Нет, - говорит.

- Что «нет»?

- Нет, - говорит, - я и железную съем.

Тогда я подумал немного и говорю:

– Ладно. Я знаю, что я с тобой сделаю. С завтрашнего дня я буду тебя в чемодан прятать. Ты чемодан-то, надеюсь, не съешь?

– Нет, – говорит, – не съем. Он пыльный. Вымойте его – тогда съем.

– Ну нет, – говорю. – Спасибо. Не надо. Уж лучше пускай он пыльный стоит.

И на другой день я посадил Феньку в маленький кожаный чемодан. Она ничего – не плакала, не пищала. Только попросила, чтобы я просверлил несколько дырочек для воздуха.

Я взял ножницы и сделал три дырки. И с тех пор Фенька так там и живёт, у меня в чемодане.

Конечно, выросла немножко за это время: была с большой палец, теперь – с указательный. Но живётся ей неплохо. Даже уютно. Теперь я и окошечко там сделал, в её домике. Спит она на маленьком диванчике. Обедает за маленьким столиком. И даже маленький-маленький – вот такой – телевизорчик там стоит.

Так что вы её не жалейте, Феньку. А лучше приходите ко мне как-нибудь в гости, и я вас непременно с ней познакомлю.

Буква «ты»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква – «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал как следует её рассмотреть и сказал:

- А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

- Ты?

- Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

- Буква «ты»?

- Да не «ты», а «я».

Она ещё больше удивилась и говорит:

- Я и говорю: ты.

- Да не я, а буква «я».

- Не ты, а буква «ты»?

- Ох, Иринушка, Иринушка. Наверно, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»?

- Нет, - говорит, - почему не понимаю. Я понимаю.

- Что ты понимаешь?

- Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я – это не я, ты – не ты, она – не она и что вообще «я» – это только буква?

– Ну, вот что, – сказал я наконец, – ну, давай скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

– Говорить?

– Ну-ну... конечно.

Вижу – молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

– Ну, что же ты?

– Я сказала.

– А я не слышал, что ты сказала.

– Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

– Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом – на ухо мне:

– Ты!

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринushка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было стыдно, что я, большой человек, не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

– Это кто?

Она говорит:

– Это я.

– Ну вот... Понимаешь? А это буква «я».

Она говорит:

– Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат и носик сморщился – вот-вот заплачет.

– Что же ты, – я спрашиваю, – понимаешь?

– Понимаю, – говорит, – что это я.

– Правильно. Молодец. А это вот буква «я». Ясно?

– Ясно, – говорит. – Это буква «ты».

- Да не «ты», а «я»!

- Не я, а ты.

- Не я, а буква «я»!

- Не ты, а буква «ты».

- Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

- Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты».

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

- Нет такой буквы! - закричал я. - Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

- Ты, ты, ты, - пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

- Хорошо, - сказал я. - Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы, в конце концов, перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, - решил я. - Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и покрасневшая после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

- А ну, сударыня, давайте-ка почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло, не переводя дыхания, прочла:

- Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

- Что такое?! Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано: «Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

- Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

- Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну, конечно, «я». А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка. Знаем мы вас. Если скажу «я» - значит, опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

И я сказал:

- Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь? Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем

бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы – вместо «яблоко» – тыблоко, вместо «ярмарка» – тырмарка, вместо «якорь» – тыкорь и вместо «язык» – тызык. А Иринушка, славу богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается и пишет мне письма без одной ошибки.

Трус

Дело было в Крыму. Один приезжий мальчик пошёл на море ловить удочкой рыбу. А там был очень высокий, крутой, скользкий берег. Мальчик начал спускаться, потом посмотрел вниз, увидел под собой огромные острые камни и испугался. Остановился и с места не может сдвинуться. Ни назад, ни вниз. Вцепился в какой-то колючий кустик, сидит на корточках и дышать боится.

А внизу, в море, в это время колхозник-рыбак ловил рыбу. И с ним в лодке была девочка, его дочка. Она всё видела и поняла, что мальчик трусит. Она стала смеяться и показывать на него пальцем.

Мальчику было стыдно, но он ничего не мог с собой сделать. Он только стал притворяться, будто сидит просто так и будто ему очень жарко. Он даже снял кепку и стал ею махать около своего носа.

Вдруг подул ветер, вырвал у мальчика из рук удочку и бросил её вниз.

Мальчику было жаль удочки, он попробовал ползти вниз, но опять у него ничего не вышло.

А девочка всё это видела. Она сказала отцу, тот посмотрел вверх и что-то сказал ей.

Вдруг девочка спрыгнула в воду и зашагала к берегу. Взяла удочку и пошла обратно к лодке.

Мальчик так рассердился, что забыл всё на свете и кубарем покатился вниз.

– Эй! Отдавай! Это моя удочка! – закричал он и схватил девочку за руку.

– На, возьми, пожалуйста, – сказала девочка. – Мне твоя удочка не нужна. Я нарочно её взяла, чтобы ты слез вниз.

Мальчик удивился и говорит:

– А ты почём знала, что я слезу?

– А это мне папа сказал. Он говорит: если трус, то, наверно, и жадина.

Новенькая

На улицах ещё не совсем рассвело, и синие лампочки ещё горели у подъездов и над воротами домов, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро – во-первых, потому, что на улице было холодно: говорят, что таких морозов, как в этом, 1940 году, в Ленинграде не было уже сто лет; а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут – в первый день после каникул – было почему-то здо?рово интересно прийти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

– А вы знаете, я сегодня первый пришёл!..

На одну минуту только остановился Володька на углу – послушать радио. Передавали оперативную сводку штаба Ленинградского военного округа. Но и тут ничего интересного не было сегодня: поиски разведчиков и на отдельных участках фронта ружейно-пулемётная и артиллерийская перестрелка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/panteleev_leonid/chestnoe-slovo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)